

DOI 10.15826/izv2.2024.26.2.035
УДК 94(410)“1990/2020” + 008:316.77 +
+ 316.732 + 323.1 + 325.1 +
+ 32.019.5 + 394:94 + 316.4.05 +
+ 341.223

Д. Н. Караваева
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия
Ю. В. Зевако
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия
К. А. Созинова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

БРИТАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ 1990–2020-х гг. В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИ- И ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМА

В статье представлены результаты исследования дискурса британской идентичности, сформировавшейся в 1990–2020-е гг. и включающей, помимо элементов «коренной» британской культуры, иноэтничные элементы, привнесенные иммиграцией — в контексте развития мульти- и интеркультурализма и исламской «иммиграции». «Иммигрантскими», вслед за общественным дискурсом, называются группы или отдельные представители, квалифицируемые британским обществом в качестве «иных» или «низкоранговых» из-за религиозных убеждений, цвета кожи или происхождения, даже если речь ведется о людях, имеющих британское гражданство и проживающих в Британии на протяжении нескольких поколений. Авторами проведен анализ современной отечественной и зарубежной историографии по теме исследования, в качестве источников привлекались официальные документы, статистические данные, материалы СМИ и авторские этнографические материалы (включенное наблюдение, глубокое интервью, тестирование), собираемые на протяжении 2010–2020 гг. на территории Англии и Шотландии, преимущественно среди исламского населения.

Для современной Великобритании сегодня актуален поиск адекватной для мультикультурного сообщества межрасовой и межсоциальной парадигмы. В британском обществе активно обсуждается вопрос о перспективности мультикультурализма (или интеркультурализма) как основы современной национальной идентичности всех граждан Британии. Такая «британскость» отторгается не только «иммигрантами», но и «коренными» британцами в силу размытости, идеализированности, негативной коннотативной связи этого понятия с империализмом и колониализмом, антагонистичности по отношению к приоритетным региональным и локальным идентичностям жителей острова.

Авторы приходят к выводу, что для «иммигрантского» населения в 1990–2020-х гг. «британскость» являлась наиболее приоритетной из имеющихся национальных или региональных идентичностей Англии, Уэльса и Шотландии. Однако современные попытки и государственных органов, и общественности сформировать позитивные представления друг о друге белых британцев и членов иноэтнических сообществ, несмотря на некоторые успехи в сравнении с другими странами, подверглись деструктивной критике со стороны всех групп населения

Британии из-за трудности интеграции «иммигрантов» в британскую культуру и британскую идентичность. В большинстве постиндустриальных регионов страны предложенные на сегодняшний день стратегии интеграции сообществ воспринимаются как неэффективные или даже утопичные.

Ключевые слова: Великобритания; мультикультурализм; интеркультурализм; иммиграция; исламофобия; мигрантофобия; интеграция; британская национальная идентичность; британскость; Britishness; британские мусульмане; брексит

Цитирование: *Каравеева Д. Н., Зевако Ю. В., Созинова К. А.* Британская идентичность 1990–2020-х гг. в контексте мульти- и интеркультурализма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 2. С. 242–259. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.2.035>

Поступила в редакцию: 12.01.2020

Принята к печати: 08.04.2024

Dina N. Karavaeva

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia*

Yulia V. Zevako

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia*

Ksenia A. Sozinova

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

BRITISH IDENTITY IN THE 1990s–2020s IN THE CONTEXT OF MULTI- AND INTERCULTURALISM

This article presents the results of a study of the discourse of British identity formed between the 1990s and 2020s and includes, in addition to elements of “indigenous” British culture, foreign ethnic elements introduced by immigration — in the context of the development of multiculturalism and Islamic “immigration”. Following public discourse, groups or individuals who are qualified by British society as “other” or “low-ranking” because of religious beliefs, skin colour, or origin, even if we are talking about people who have British citizenship and have lived in Britain for several generations, are referred to as “immigrants”. The authors conduct an analysis of modern national and foreign historiography on the topic of research based on official documents, statistical data, media materials, and authorial ethnographic materials (including observation, in-depth interviews, testing) collected between 2010 and 2020 in England and Scotland, mainly among the Islamic population.

For the contemporary UK, it is relevant to search for an adequate interracial and intersocial paradigm for a multicultural community. British society is actively discussing the question of the prospects of multiculturalism (or interculturalism) as the basis of the modern national identity of all British citizens. Such “Britishness” is rejected

not only by “immigrants”, but also by “indigenous” Britons due to the vagueness, idealization, and negative connotative connection of this concept with imperialism and colonialism, and antagonism towards the priority of regional and local identities of the inhabitants of the country.

The authors conclude that in the 1990s–2020s, for the “immigrant” population, “Britishness” remained the highest priority of the existing national or regional identities of England, Wales, and Scotland. However, modern attempts made by both the authorities of the country and the public to form positive ideas about each other among white Britons and members of foreign ethnic communities, despite some successes in comparison with other countries, have been subjected to destructive criticism from all groups of the British population due to the difficulty of integrating “immigrants” into British culture and British identity. In most post-industrial regions of the country, the proposed strategies for integrating communities today are perceived as ineffective or even utopian.

Key words: Britain; multiculturalism; interculturalism; immigration; integration; Islamophobia; migrantophobia; British national identity; Britishness; British Muslims; Brexit

For citation: Karavaeva, D. N., Zevako, Yu. V., & Sozinova, K. A. (2024). Britanskaia identichnost' 1990–2020-kh gg. v kontekste mul'ti- i interkul'turalizma [British Identity in the 1990s–2020s in the Context of Multi- and Interculturalism]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(2), 242–259. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.2.035>

Submitted: 12.01.2020

Accepted: 08.04.2024

Введение

С распадом империи и трансформацией академического и общественного понимания нации и идентичности с середины XX в. Великобритания, как и многие другие «постимперии», столкнулась с рядом культурных и политических вызовов. Британия — это формирующаяся на протяжении тысячелетия историческая общность или «изобретенная» в Новое время, так же как США, нация» [Scott, p. 168]? Британцы — это единая нация или нация наций, включающая самостоятельные общности шотландцев, ирландцев, англичан, валлийцев? Становится ли интеркультурализм реальной альтернативой дискредитированному мультикультурализму или же провоцирует нивелирование «традиционной» британской культуры? Из чего сегодня состоит «британскость» и какова роль в этом «иных» культур?

На рубеже XX–XXI вв. правительство при поддержке общественности Соединенного Королевства провело ряд инициатив по концептуализированию британскости, т. е. национальной и гражданской, не этнической и не региональной, идентичности. Данная идентичность призвана объединить политически и культурно разрозненное в отношении класса, расы, страны и региона исхода население под флагами мультикультурализма и интеркультурализма [Липкин;

Meer, Modood, Zapata-Berrero]. Вновь сформулированная концепция национальной идентичности в пределах постимперского сообщества, как и другие подобные, несомненно, является в некой степени искусственным конструктом, и неудивительно, что до сих пор существуют совершенно разные подходы к ее интерпретации.

Безусловно, при некоторых успехах политики, а также академических и общественных дебатов по этим поводам, сегодня британская идентичность остается глубоко манипулятивным и мифологизированным понятием, а политика мультикультурализма и интеркультурализма усугубляет проблемы политической и культурной дезинтеграции. Однако данные концепты, несомненно, оказывают сильнейшее влияние на общественные настроения, культурные проекты и политическую практику, соответственно, приобретают особую актуальность сегодня. Рассмотрение идентичности полиэтничной британской нации не исчерпывается только анализом политики и практики мультикультурализма, но именно такой подход является сегодня наиболее востребованным для определения национальных, этнических и религиозных идентичностей населения страны. Данная статья является кратким введением в изучение обширной проблематики современной британской идентичности в контексте межкультурной коммуникации и таких интегративных стратегий государства, как мультикультурализм и интеркультурализм.

С 1980-х гг. и по настоящее время в историографии наблюдается стабильный рост интереса к изучению идентичности в контексте постимперскости, иммиграции и мультикультурализма — при этом обилие работ и подходов само по себе образует сложный и многослойный дискурс, анализ которого выходит за рамки данной статьи [Валлерстайн; Дробижева; Жангожа; Куропятник; Свои и чужие; Alexander, Alleyne; Cattle; Malik, 2014; Meer, Modood, Zapata-Berrero; Parekh; Winder; и др.]. Несмотря на очевидное значение этих процессов в формировании коллективных идентичностей, они до сих пор не изучены исчерпывающе и подробно, поскольку подобные изыскания требуют кропотливой полевой работы по сбору бытовых историй и анализу «человеческого» измерения указанной проблематики. Если речь заходит о «британскости», то авторы, как правило, обращаются преимущественно к английскому и юго-восточному ее варианту (Лондон и предместья), не включая особенности других регионов. Предметом анализа зачастую становится историческое развитие британскости и мультикультурализма, а не изменение общественного дискурса по данным проблемам. С этим тесно связано понимание «британскости» как конструкта, существующего только в прошлом, и мультикультурализма как некой утопичной политической интеграционной практики. Проблемой для современной историографии является и отсутствие внимания к трансформации понятий «национальная идентичность», «мультикультурализм», «интеркультурализм» и их содержанию.

Основные задачи статьи состоят в дискурсивном анализе понятия «британскость» («британская идентичность») в рамках концепций мультикультурализма и интеркультурализма в 1990–2020-е гг., а также в анализе административных

решений по их реализации на практике, оценке эффектов и эффективности этих решений к настоящему времени.

Мы понимаем под дискурсом идентичности «совокупность вербальных манифестаций, устных или письменных, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи» [БТСС, т. 1, с. 184]. Вслед за многими ведущими учеными в области исследований идентичности, этничности и национализма мы признаем нарративный и дискурсивный (применительно к Британии), изменчивый, ситуативный и множественный характер идентичности, зависимый от ее акторов, факторов, контекстов, продуцируемых и репродуцируемых ценностей, образов и норм. В качестве общих концептуальных рамок исследования используются научные разработки в русле новейших направлений социокультурной антропологии — междисциплинарного исследования национальной идентичности с привлечением методов психологии, социологии, политологии, этнографии, визуальной антропологии [Soysal; Свои и чужие; Дробижева; и др.].

Статья основана на материалах, которые были собраны с помощью методов включенного наблюдения и интервьюирования. Глубокие полуструктурированные интервью с представителями различных сред и групп были собраны в социальных и культурных центрах (мечети, улицы этнических кварталов, стадионы, частные дома) (всего более 120 интервью). В отдельную категорию можно выделить экспертные интервью с руководителями социальных служб и этническими активистами (всего более 40 интервью). Устные свидетельства помогают увидеть не официальную версию этнического взаимодействия, а реальную ситуацию — в бытовых деталях, оценках, ощущениях ее участников, т. е. способствуют более глубокому ее пониманию. Также в анализе были задействованы медийные, академические и музейные источники, связанные с мультикультурализмом и расизмом, национальной идентичностью и т. д.

***Britishness* и политика**

Со второй половины XX в. правительство Британии начинает предпринимать ряд мер по интеграции, признанию и созданию условий для равенства культур, получивших название политики мультикультурализма и интеркультурализма. Это отражает две исторические тенденции — становление гражданской нации в Британии и актуализацию этнонаций на базе реальных или воображаемых этнических различий. С 1962 по 2019 г. было принято более 20 актов об иммиграции и предоставлении убежища. Начиная с 1970-х гг. и по сегодняшний день можно говорить о формировании политики мультикультурализма, с 2010-х гг. — интеркультурализма [Cantle]. Интеркультурализм как политика и идеология рядом исследователей назывался популистской попыткой выхода за рамки простого пассивного признания факта множества культур, тем не менее способствующего формированию диалога и взаимодействия между культурами, в отличие от «классического» мультикультурализма [Malik, 2014]. Но на деле интеркультурализм также является скорее подходом, нежели четко сформулированной

политической и социальной стратегией. По времени правления кабинетов мы выделяем также подпериоды развития мультикультурализма — консервативный (правление М. Тэтчер и Дж. Мейджер, 1979–1997 гг.), лейбористский (Т. Блэр и Г. Браун, 1997–2010 гг.), неоконсервативный (Д. Кэмерон, Т. Мей и Б. Джонсон, 2010–2019 гг.) [Караваяева, с. 59–108].

При консерваторах иммигранты, наряду с экономическими требованиями и спорадическими попытками противостоять дискриминации и полицейскому произволу, начали говорить о том, что несмотря на физическую иммиграцию и разрыв связей со страной происхождения, в культурном смысле они не были до конца приняты британским сообществом (наиболее яркая иллюстрация — дебаты вокруг «Сатанинских стихов» С. Рушди). Ввиду этого иммигранты начали требовать разрешения на строительство мечетей, открытое ношение этнической и религиозной одежды и т. д. В то время предпринимались попытки понимать «нацию» хоть и как культурное объединение, но с преимущественно английскими чертами, а не в качестве сообщества единых по стране происхождения людей. В результате такого подхода мигранты оставались за бортом «британскости» в силу приверженности к собственной культуре, что привело к усилению противоречий между «коренными» и «пришлыми», культурной отчужденности и даже сегрегации этнических общин [Gamble, 2008].

Лейбористы подошли к этому вопросу с принципиально другой стороны: они официально признали мультикультурализм государственной идеологией, постоянно подчеркивали многоэтническую природу страны, удовлетворили ряд культурных требований, смягчили иммиграционное законодательство [Кузнецова, Хахалкина, с. 54–55]. Например, кабинет Э. Блэра посредством исследовательского института «Демос» предпринял шаги по формированию концепции идентичности, получившей название *Cool Britain*, которая должна была включить в себя наряду с английской и другие идентичности. Эта концепция касалась в основном внешнего имиджа страны и апеллировала к таким ключевым представлениям о «британскости», как стремление к инновациям и глобализации, коммерческий дух, изобретательность, уникальная островная культура, «честная игра», этнический и расовый «плавильный котел» и т. д., а не национальная / этническая идея [Leonard]. Было также принято решение пересмотреть Национальную программу по истории. Основой «общей идентичности» виделась лояльность мигрантов к «эталонной» британской политической системе, сформированной на основе синтеза христианской культуры и имперской истории. Задачей исторического образования становилось формирование гражданственности с акцентом на политическую, а не этнокультурную составляющую. В программу также были интегрированы отдельные разделы, связанные с историей культур стран Америки, Азии и Африки [Nash, Grabtree, p. 142]. С правлением же неоконсервативного кабинета Д. Кэмерона связан поворот к «традиционализму» в вопросе понимания британской идентичности — некоторые исследователи говорят даже об откате к тэтчеристской модели британскости [Roberts, p. 4].

Однако с учетом роста деволуционных тенденций, числа террористических актов в США и Британии и того, что в 2000-е гг. происходили усиление иммиграции и еще большая эскалация межэтнических, межрелигиозных и межсоциальных конфликтов, рост исламофобии и протестного движения со стороны мусульман, требовавших соблюдения прав свободы частной жизни и вероисповедования, концепция «британскости» подверглась критике. В 2005–2010 гг. была организована работа государственных проектов расового равенства и гармонизации общественной жизни [Alexander, Alleyne, p. 542], однако в 2011 г. на 47-й Мюнхенской конференции по безопасности премьер-министру Д. Кэмерону пришлось заявить о провале концепции мультикультурализма в политическом и гуманитарном смысле и о том, что гармонизация отношений между условно «коренными» и «пришлыми» жителями Великобритании невозможна, если все не будут одинаково разделять британские либеральные ценности [Multiculturalism..., p. 17]. В дальнейшем неоконсерваторы всячески стремились способствовать формированию благоприятной среды для диалога между разнородными частями британского общества: так, С. Чима, глава отдела маркетинга и коммуникаций Британского совета, в своем докладе 2012 г. «От мультикультурализма к интеркультурализму — британская перспектива» впервые озвучил желание истеблишмента и общественности поддерживать межкультурный диалог и глобальную межкультурную коммуникацию и преодолевать тенденции к самосегрегации внутри культур [Creating the Conditions...]. Проведение Шотландского референдума в 2014 г. и референдума о дальнейшем членстве Великобритании в ЕС (*Brexit*) продемонстрировало, что неоконсерваторы тем не менее были не готовы принять идею замкнутой в экономическом, политическом и других смыслах Великобритании и по-прежнему рассматривали страну и нацию в глобально-геополитических и экономических категориях [Kweku-Duah, Rutakirwa].

Общественные оценки

В 2006–2007 гг. Британский Совет курировал реализацию академического проекта, связанного с исследованием понимания концепта британскости разными слоями населения. Итогом проекта стала монография профессора Университетов Гринвича и Йеля В. Уор «Кого заботит британскость? Глобальный взгляд на дебаты о национальной идентичности», в которой автор указывает, что единственно возможным местом существования британской идентичности является Лондон, тогда как жители других городов и регионов склонны транслировать региональные / локальные версии идентичности [Ware, p. 5]. Исследовательница утверждает, что для большинства мыслящих людей британскость видится сегодня неким архаизмом, всецело обращенным в имперское прошлое, ввиду чего основным потребителем идеи «британскости» и концепции идентичности оказываются вовсе не коренные граждане страны, а мигранты — выходцы из бывших колоний Британской империи [Ibid., p. 3–4]. Наряду с этим в обществе

все чаще звучат заявления о том, что такого понятия, как «британская нация», и вовсе не существует, и единственное, о чем имеет смысл говорить, это «четыре нации» англичан, шотландцев, ирландцев и валлийцев, которые настолько разнятся в своей идентичности, экономических и политических устремлениях, что о едином «национальном», а возможно, скоро и политическом, союзе говорить невозможно [Bryant, p. 7].

В 2004 г. Г. Браун обозначил ключевые направления своей политики в отношении «британскости»: «Великобритания исторически была страной четырех идентичностей и четырех наций, но самым важным по-прежнему является вопрос: остаемся ли мы в понимании идентичности XIX в. с ее приоритетом “крови” и территории или обращаемся к британской идентичности... как сильно своей историей, ценностями и институтами объединению» [Brown]. Это утверждение легло в основу дальнейших дискуссий вокруг понимания концепта британской идентичности. Важное место в общественных дебатах занял сборник «Быть британцем» [Being British], на страницах которого были приведены заключения ведущих экспертов и руководителей различных культурных, политических и социальных объединений, как, например, члена Мусульманского совета Великобритании М. А. Бари, архиепископа Кентерберийского Дж. Карея, основателя смешанной школы в г. Олдем Р. Миа, профессора Лондонской школы экономики Дж. Грея и др. Авторы статей сборника так или иначе подчеркивали связь концепции «британскости» с имперским и колониальным прошлым страны, являющимся символом исторических, политических, экономических и культурных противоречий ее народов. Авторитетный британский и американский историк Дж. Кларк, в частности, призвал забыть о термине «Британия» и говорить исключительно о «Соединенном Королевстве» [Clark, p. 136].

Коллективная монография 2009 г. «Британскость. Перспективы» под редакцией А. Гэмбла и Т. Райта объединила на своих страницах таких видных исследователей, как М. Кенни, Л. Коллей, Б. Парех и др., которые проанализировали особенности исторического бытования понятия «британский», отношение к мультикультурализму, империи и пр. не только с позиции «метрополии», но и с учетом политических позиций шотландцев, валлийцев и ирландцев. С точки зрения историков, в текущий момент страна находится в гораздо более тяжелом положении в отношении идентичности, нежели в эпоху римской экспансии, в связи с тем, что концепция «британскости» сейчас еще более размыта и эфемерна [Gamble, 2009, p. 4]. Опросы общественного мнения начала 2000-х гг. четко показывают, что британская идентичность зачастую фигурирует второй в списке приоритетов, а то и вовсе отрицается самими жителями островов (на первое место выходят собственные «национальные» валлийская и шотландская, «этническая» бангладешская, региональная манчестерская идентичность в Англии и т. д.) [Ipsos MORI, 2007; Willetts, p. 57–58]. Сегодня очевидна ассоциация термина «британский» с историческими и политическими промахами, что также не способствует популярности идентичности, строящейся на его основе. Надежда на объединение страны, связанная с повсеместным принятием новой британской

идентичности, высказанная правительством Г. Брауна в 2004 г., не учитывала того факта, что большинство «ценностей» жителей Соединенного Королевства не являются чем-то специфически национальным. Тем не менее, Гэмбл и Райт подчеркивают, что жители регионов и «наций» страны хоть и разнятся по своим культурным и политическим предпочтениям, но по-прежнему поддерживают государственное объединение из прагматизма [Gamble, 2008, p. 42].

Д. Виллеттс, напротив, полагает, что «британскость» обладает «чудесной открытостью» (к иностранной одежде, пище, наличию иностранных игроков в спортивных командах, бытовым и музыкальным заимствованиям и пр.), но в то же время она слабее чем, скажем, валлийскость или ирландскость, в силу чего, по его мнению, «британскость» следует трактовать как идентичность политическую, символизирующую определенные политические институты [Willetts].

Некоторые авторы обращают внимание на зависимость подобных размытых концептов от обстоятельств и конкретных акторов. Так, Дж. Эдмундс и Б. Тернер пишут о нескольких типах британскости и о том, что с космополитичной и мульти-/интеркультурной британскостью себя идентифицируют специфические половозрастные категории (в основном — послевоенное поколение англичанок — представительниц высшего и среднего классов) [Edmunds, Turner, p. 83]. Данные воззрения, во многом пацифистские и феминистские, настроены на понимание космополитичной, проективной, конструируемой и изменчивой природы британской идентичности, которую необходимо приспособлять к тем или иным реалиям. Классический же «горийский» вариант британскости, по мнению авторов, тяготеет к замкнутости (Британия как остров, существующий отдельно — буквально и метафорически — от таких объединений, как ЕС) [Ibid., p. 93].

В дальнейшем, а именно с середины 2000-х гг., это вылилось в масштабную критику мультикультурализма не только как интеграционной стратегии, но и идеологии вообще. Участники процесса концептуализации «британскости» видели в мультикультурной ипостаси данного концепта очевидные ограничения, ставившие под сомнение саму возможность гармоничного существования выстроенного на его основе общества. По мнению Р. Виндера, на протяжении всей истории в Британии существовали антииммигрантские настроения несмотря на то, что страна достигла успеха в том числе благодаря миграции (гугенотское религиозное свободомыслие, итальянская кухня, еврейская банковская система, немецкие технологии производства, африканская музыка и мн. др.) [Winder, p. 12–13].

В 2000-х — начале 2010-х гг. для британцев стало очевидным, что несмотря на то, что мультикультурная «британскость» и апеллирует к концепции «сообщества сообществ» [Parekh], она же предполагает некую ассимиляцию (знание английского языка, истории, культуры), необходимость следовать негласному публичному закону светскости, равенства мужчин и женщин и британскому юридическому канону, несмотря на то, что, например, некоторые общины исторически регулировали конфликты в пределах компактного расселения

мусульман с помощью шариата. Культурное разнообразие не должно быть слишком заметным и нарушать местные негласные правила. Как пишет А. Хок, такого рода «британскость» провоцирует появление «пограничных» идентичностей в культурном и юридическом смысле, — например, как возможность (и практика) иметь двойное гражданство [Hoque, p. 19–20].

Британский ислам и мультикультурность

Правительственная политика мультикультурализма в Великобритании привела к обратному результату — формированию «вынужденного мультикультурализма» [Malik, 2014] — ситуации, когда социальная / культурная / этническая группа, за которой закреплялись мигранты, и сами мигранты в действительности могли не иметь ничего общего с ними, т. е. ситуации, вновь порождавшей взаимное отчуждение. С проблемой культурного отчуждения и географической и символической геттоизации отдельных групп связана критика мультикультурализма как инверсивного белого расизма и национализма (как нередко замечали обычные респонденты, «англичане просто хотят, чтобы мы жили подальше, не показывали свою культуру и не мешали им» [ПМА 33]). При этом в академических исследованиях вплоть до конца 2000-х гг. был популярен тезис о том, что британский вариант мультикультурализма является гибкой и довольно эффективной интеграционной стратегией, при которой иммигранты имеют возможность сохранить этническую идентичность и территориальную автономию, свободу от подчинения нормативной модели гражданства [Parekh, p. 32].

Применительно к исследуемому периоду одним из следствий политики и дискурса мультикультурализма является формирование особых «иммигрантских» идентичностей *in-between*, характерных для британских граждан иностранного происхождения в первом, втором и третьем поколении. Эти идентичности очень разнообразны и представляют причудливые смеси британской и индийской, пакистанской, бангладешской, карибской, польской, еврейской и многих других культур. Одним из наиболее ярких и проблематизируемых феноменов (в том числе в контексте общественных дебатов по мигрантофобии, брекситу, терроризму) является так называемый «британский ислам» — площадка для развития идентичностей выходцев из Индии, Пакистана и Бангладеш, составляющих основу современных «новых британцев» [Hoque]. Мультикультурализм, а точнее провоцируемый этой политикой дискурс, создавал напряженное поле взаимодействия и взаимной ассимиляции, появление так называемой культуры *in-between*, не принимаемой как условными «коренными» британцами, так и самими «мигрантскими» общинами. Речь идет о печально знаменитом «третьем поколении иммигрантов», британцев по культуре, но, например, индусов по крови, стремящихся порвать с негативным имиджем своей общины, но не способных инкорпорироваться в структуры «коренных», воспринимаемых этими «иммигрантами» в терминах «элита», «высшая каста» и т. д. [ПМА 23, 60–74].

В 2000-е гг. К. Малик писал, что идеология мультикультурализма имеет общие корни с расизмом и общей европоцентристской идеологией Просвещения, которыми пронизан, по его мнению, британский общественный и академический дискурс, поэтому ислам оказывается несовместим с европейской идеологией [Malik, 2010]. Т. Кантл, в свою очередь, отмечал, что белое население Великобритании воспринимает мультикультурализм и даже интеркультурализм как политику, созданную меньшинствами и во имя меньшинств [Cantle]. Несомненно, интеграцию затрудняют не только масштабы и разнообразие иммиграции, но и нежелание со стороны «коренных» жить и устраивать бизнес в районах проживания иммигрантов, напоминающих им по своему внешнему облику и внутренней системе взаимоотношений этнические гетто. Для таких районов характерна компактность проживания отдельных этнических групп, часто дальних и ближних родственников или, например, выходцев из одного села страны исхода, а также распространение не характерных для британцев «правил» сожительства вплоть до наличия «зон шариата», кумовства, «государства в государстве». В таких районах нередко происходят межрасовые стычки и межэтнические конфликты, существует высокий уровень бедности и преступности. «Иммигрантам», основной поток которых составляют выходцы из деревенских районов, сложно преодолеть образовательные и языковые барьеры [Kweku-Duah, Rutakirwa].

Самый важный вывод, к которому мы приходим на основе анализа академической, медийной литературы, собственных этнографических исследований и исследований коллег-социологов, состоит в том, что концепция «британскости» по меньшей мере с 1990-х гг. вызывает интерес в качестве собственной идентичности в основном у «иммигрантского населения» [Караева, с. 98]. Факт назначения министром внутренних дел в 2019 г. П. Пател, родившейся в Уганде в семье индийских иммигрантов-индусов, чей отец был членом известной своим евроскептицизмом и «национализмом» Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP), является в этом смысле символичным.

Наглядно данный процесс можно представить на примере группы, вызывающей наиболее противоречивые оценки в контексте дезинтеграции, терроризма, роли женщины и исламофобии в целом; группы, чуждость которой относительно «коренных» британцев наиболее заметна: «другие» этнически, религиозно и культурно — это британские мусульмане, «иммигранты» по крови и британцы по гражданству и культуре.

Исследователи констатируют интенсивный рост мусульманского населения в Британии: за 2001–2011 гг. количество мусульман выросло с 1 до 2,7 млн чел. (4,8 %), количество действующих мечетей и молельных домов увеличилось с 300 до более чем 900. Ислам является второй по величине религией в Великобритании, а по количеству практикующих верующих — первой. Большинство населения, определяющее себя как «британские мусульмане», является выходцами из Пакистана, Индии и Бангладеш и проживает в Англии (1,536 млн из 1,591 млн) [Census 2011]. Большинство из них (76 %) проживают в городских

районах Большого Лондона, Уэст-Мидлендса, Северо-Запада, Йоркшире и Хамберсайде. Более 1 млн мусульман живет в Лондоне, где они составляют 12,4 % населения. Другие города с большим мусульманским населением — Бирмингем (234 000 — 21,8 % от общего числа), Брэдфорд (129 000 — 24,7 %) и Манчестер (79 000 — 15,8 %). Мусульмане составляют значительную долю населения в таких небольших городах, как Блэкберн и Даруэн (27 %), Лутон (24,6 %) и Слау (23,3 %) [Ipsos MORI, 2018, p. 10]. Согласно данным опросов, среди «британских мусульман» 78 % являются гражданами Великобритании, из них 37 % родились на территории страны. Так, более половины детей в возрасте от 16 до 24 лет родились в Великобритании, но эта цифра падает примерно до четверти в возрастной группе 35–64 лет, а затем снова возрастает до 49 % для людей в возрасте 65+ [Ibid., p. 11–12].

Северная Англия, а точнее такие города, как Олдем близ Манчестера и Брэдфорд близ Лидса, из-за многочисленных бангладешской и пакистанской общин, имеющих тенденцию к компактному проживанию, оказались в центре общественных скандалов и дебатов по поводу дезинтеграции и сегрегации, реальное существование которых подтверждают данные муниципальных служб, социологических и академических исследований [Oldham Beyond]. Причинами тому стала государственная политика в 1960–1970-е гг. по заселению этих территорий, в соответствии с которой массово прибывавшие иммигранты из Бангладеш и Пакистана селились в специально отведенных домах и районах (например, Глодвик в Олдеме или Манингхам в Брэдфорде). Вскоре здесь образовались «этнические гетто», что вызвало массовый отток белого населения, рост преступности и бедности, распространение наркотиков [ПМА 33: М. Чоудхари, Дж. Хопкинс].

Сегодня несомненно можно говорить о британском исламе как об отдельной идентичности, адаптирующей одновременно идеи национальной идентичности «британскости», этнических идентичностей отдельных групп (как правило, речь идет о британцах пакистанского, бангладешского, индийского происхождения) и исламской религиозной идентичности. Социологические исследования выявили растущую радикализацию приверженцев ислама в возрасте 16–30 лет [Ipsos MORI, 2019].

У так называемого коренного населения, если такое разделение возможно в контексте сложности современных британских идентичностей и давности проживания «иммигрантов» в стране, «британский ислам» нередко ассоциируются с дезинтеграцией и геттоизацией, терроризмом, религиозным фанатизмом, домашним и женским насилием, патриархальностью, криминальностью, беспорядками в районах компактного проживания мигрантов. Британские мусульмане позиционируют себя как одну из наиболее социально и экономически маргинализованных групп в Британии. Мусульмане считают, что их воспринимают не как трудолюбивых, достойных уважения и законопослушных людей, а скорее как проблемное в социокультурном (например, из-за ношения закрытой одежды, следования законам шариата и т. д.) и криминальном смыслах сообщество.

Данные полевых исследований в Великобритании 2010–2018 гг. о национальных константах и взаимных оценках «коренных» и «мусульман» иллюстрируют это. Часть опросов проводилась по методике приписывания качеств Д. Каца и К. Бейли [Баранова], согласно которой из предложенных описаний «характера» (список формировался в ходе экспедиций) англичанам нужно было выбрать наиболее типичные характеристики для мусульман и англичан. «Англичане» здесь — белые граждане Британии различного возраста, пола, класса, профессии, религии, считающие себя англичанами, отделяющими себя в этническом смысле от шотландцев, валлийцев, пакистанцев и др., в количестве 95 человек. «Мусульмане» — граждане Британии, считающие себя мусульманами или членами мусульманских семей пакистанского или бангладешского происхождения различного возраста, пола, класса, профессии, в количестве 116 человек. При всей внешней толерантности и доброжелательности, мусульмане удостоились 24 негативных ассоциаций (среди них: изоляционизм, сексизм, messiанизм, патриархальность, нежелание обучаться, теократизм и т. д.) из 26 предложенных, тогда как собственной культуре было приписано 24 положительные характеристики (толерантность, равенство полов, индивидуализм и соблюдение прав и свобод, секуляризм, ценность образования, демократизм и т. д.) [ПМА, 1–74].

Симптоматичными в данном контексте являются общественные дебаты о хиджабе. Часть населения осуждала ношение мусульманками платка в секулярном британском общественном пространстве и считала это посягательством на основные британские ценности, а другая считала негативную реакцию на ношение такой одежды проявлением расизма и ксенофобии [Ameli, Merali; Ноце, р. 137–138]. Интересна здесь роль медиа и моды по превращению бытового и религиозного атрибута в инструмент позитивной презентации мусульман, как это случилось благодаря модной индустрии хиджаб-барби или *Nike*.

Резонансными стали общественные скандалы по поводу детского насилия со стороны мусульман по отношению к белым и мусульманам в Роттерхаме, Ньюкасле и других английских городах [Evans]. Марши и шествия с плакатами и недвусмысленными лозунгами («Мы хозяева в собственной стране», «Уезжайте домой» и т. д.) в Брэдфорде, Лютоне и других североанглийских городах правых экстремистских групп (например, «Христианский патруль») обнажили ряд социальных проблем, в том числе вопрос существования «этнических гетто» [Christian Patrol Marches...]. Новую волну дебатов по поводу терроризма и всплеск исламофобии вызвал теракт в 2018 г. на «Манчестер-Арене» после музыкального концерта, совершенный прихожанином крупнейшей в Олдеме мечети Дидсбери, где якобы проводились проповеди в поддержку сирийских моджахединов.

Заключение

Итак, для современной Британии основной задачей становится поиск новой «национальной» идеи как межрасовой парадигмы, способной объединить

разноликое в этническом, расовом и культурном смыслах население страны. Дебаты о мультикультурализме поднимают вопрос о его жизнеспособности как идеологии и основе «новой британскости», включающей в себя подчас противоположные версии «британскости» — с одной стороны, как совокупности «национальных» культур с богатым историческим наследием Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, с другой — «британскости» как современной космополитичной, мультикультурной национальной идеи и культуры специфических ценностей, мирового экономического бренда. Данные дискурсы не всегда принимаются «пришлыми» и отторгаются «коренными» жителями в силу размытости, идеализированности, негативной коннотативной связи понятия «британскость» с империализмом и колониализмом, антагонистичности по отношению к приоритетным региональным и локальным идентичностям жителей острова.

Для «иммигрантского» населения в 1990–2020 гг. «британскость» являлась наиболее приоритетной из имеющихся национальных или региональных идентичностей Англии, Уэльса и Шотландии. Тем не менее, в большинстве постиндустриальных регионов страны предложенные на сегодняшний день стратегии интеграции белых британцев и членов иноэтнических сообществ не дали ожидаемого результата.

Источники

ПМА 1–74 — Полевые материалы экспедиции Д. Н. Караваевой в гг. Лондон, Амсбери, Солсбери, Бат, Брайтон, Портсмут, Плимут, Фалмут, Бристоль, Ливерпуль, Манчестер, Олдем, Мосли, Лидс, Брэдфорд, Бирмингем, Йорк, Блекпул, Ньюкасл, Сандерленд, Эдинбург, Глазго, Дублин, Белфаст, Кардиф. 2010–2020 гг. // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. Архив 1. Интервью 1–74.

Brown G. Speech by the Chancellor of the Exchequer / British Council Lecture, 7 July 2004 // The Guardian. 2004. 8 July. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2004/jul/08/uk.labour1> (date of access: 01.10.2022).

Census 2011 // Office for National Statistics. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html> (date of access: 01.10.2022).

Christian Patrol Marches Through Islamist Hotspot // Before it's News. 2016. January. URL: <http://beforeitsnews.com/blogging-citizen-journalism/2016/01/christian-patrol-marches-through-islamist-hotspot-watch-what-instantly-happens-2529042.html> (date of access: 01.10.2022).

Creating the Conditions for Integration. Department of Communities and Local Government. London, 2012. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/7504/2092103.pdf (date of access: 01.10.2022).

Evans M. Newcastle grooming gangs were allowed to abuse 700 girls because police blamed the victims, review finds // Telegraph. 2018. 23 Febr. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/02/23/newcastle-grooming-gangs-acted-arrogant-persistence-serious/> (date of access: 01.10.2022).

Ipsos MORI, 2007 — Young People and British Identity // Ipsos MORI Agency, 2007. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/young-people-and-british-identity> (date of access: 01.10.2022).

Ipsos MORI, 2018 — A review of survey research on Muslims in Britain // Ipsos MORI Agency, 2018. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2018-03/a-review-of-survey-research-on-muslims-in-great-britain-ipsos-mori_0.pdf (date of access: 01.10.2022).

Ipsos MORI, 2019 — Attitudes of British Muslims // Ipsos MORI Agency, 2019. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/attitudes-british-muslims> (date of access: 01.10.2022).

Multiculturalism has “Failed in UK” // Al Jazeera. 2011. 5 Febr. P. 17.

Oldham Beyond: A Vision for the Borough. A Report for Oldham Local Strategic Partnership and Northwest. Manchester : Northwest Development Agency, 2004.

Roberts B. David Cameron: I Want to be the New Thatcher // The Daily Mirror. 2008. 20 May. P. 4.

Исследования

Баранова Т. С. Психологическое исследование социальной идентичности // Социальная идентификация личности / под ред. В. А. Ядова. М. : ИС РАН, 1994. Кн. 2. С. 202–237.

БТСС — Большой толковый социологический словарь : в 2 т. / сост. Д. Джери, Дж. Джери ; пер. с англ. Н. Н. Марчук. М. : Вече : АСТ, 1999.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2004.

Дробижеева Л. М. Гражданская идентичность как потенциал межэтнического согласия в обществе // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л. М. Дробижеева. М. : ФНИСЦ РАН, 2018. С. 177–216.

Жангожа Р. Мультикультурализм: pro et contra. Киев : Інститут всесвітньої історії НАН України, 2016.

Караева Д. Н. Английская идентичность и ее дискурс. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2016.

Кузнецова М. А., Хахалкина Е. В. Процессы трансформации национальной идентичности Британии в контексте брекзита // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 52–58. <https://doi.org/10.17223/19988613/53/11>

Куропятник А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III, № 2. С. 53–66.

Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007. С. 122–143.

Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин, Я. Беван, Е. Веттер и др. ; под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М. : ИЭА РАН, Горячая линия — Телеком, 2018.

Alexander C., Alleyne B. Introduction: Framing Difference: Racial and Ethnic Studies in Twenty-First-Century Britain // Ethnic and Racial Studies. 2002. Vol. 4, Iss. 25. P. 541–551.

Ameli S., Merali A. British Muslims' Expectations of the Government: Hijab, meaning, identity, otherization and politics: British Muslim women. London : Islamic Human Rights Commission, 2006.

Being British. The Search for the Values that Bind the Nation / ed. M. D'Ancona. Edinburgh : Mainstream, 2009.

Bryant C. The Nations of Britain. Oxford : Oxford Univ. Press, 2006.

Cantle T. Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity. London : Palgrave Macmillan, 2012.

- Clark J. C. D. National Identity and the historians // Being British. The Search for the Values that Bind the Nation / ed. M. D'Ancona. Edinburgh : Mainstream, 2009. P. 131–140.
- Edmunds J., Turner B. S. The Re-invention of a National Identity? Women and “Cosmopolitan” Englishness // Ethnicities. 2001. Vol. 1, No. 1. P. 83–108.
- Gamble A. A Union of Historic Compromise // Imagined Nation: England after Britain / ed. M. Perryman. London : Lawrence and Wishart, 2008. P. 35–49.
- Gamble A. Introduction: The Britishness Question // Britishness: Perspectives on the British Question / eds. A. Gamble, T. Wright. Oxford : Political Quarterly Wiley-Blackwell, 2009. P. 1–9.
- Hoque A. British-Islamic Identity: Third-generation Bangladeshis from East London. London : Trentham Books, 2015.
- Kweku-Duah P., Rutakirwa T. UK Immigration Before and After Brexit. London : Tonniez Publishing Press, 2020.
- Leonard M. Britain. Renewing our identity // Demos Research. 1997. URL: <https://www.demos.co.uk/files/britaintm.pdf> (date of access: 01.10.2022).
- Malik K. From Fatwa to Jihad: The Rushdie Affair and Its Legacy. London : Melville House, 2010.
- Malik K. Multiculturalism and Its Discontents: Rethinking Diversity After 9/11. London : Seagull Books, 2014.
- Meer N., Modood T., Zapata-Berrero R. Multiculturalism and interculturalism: Debating the Dividing Lines. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2016.
- Nash G., Grabtree Ch., Dunn R. History on Trial. Culture Wars and the Teaching of History. New York : Alfred A. Knopf, 1997.
- Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 2000.
- Scott P. Knowledge and nation. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 1990.
- Soysal Y. N. Mapping the Terrain of Transnationalization: Nation, Citizenship, and Region // Transnational Trajectories in East Asia: Nation, Citizenship, and Region / ed. Y. N. Soysal. London : Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. P. 1–16.
- Ware V. Who Cares about Britishness? A Global View of the National Identity Debate. London : Arcadia Books, 2007.
- Willetts D. England and Britain, Europe and Anglosphere // Britishness: Perspectives on the British Question / eds. A. Gamble, T. Wright. Oxford : Political Quarterly Wiley-Blackwell, 2009. P. 54–61.
- Winder R. Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain. London : Little, Brown, 2004.

References

- Alexander, C., & Alleyne, B. (2002). Introduction: Framing Difference: Racial and Ethnic Studies in Twenty-First-Century Britain. *Ethnic and Racial Studies*, 4(25), 541–551.
- Ameli, S., & Merali, A. (2006). *British Muslims' Expectations of the Government: Hijab, Meaning, Identity, Otherization and Politics: British Muslim Women*. London: Islamic Human Rights Commission.
- Amelin, V. V., Bévant, Ya. , Vetter, E. et al. (2018). *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Ours and Theirs. Metamorphoses of Identity in the East and West of Europe]. Moscow: IEA RAN, Goriachaia liniia – Telecom.
- Baranova, T. S. (1994). Psikhologicheskoe issledovanie sotsial'noi identichnosti [Psychological Study of Social Identity]. In V. A. Yadov (Ed.), *Sotsial'naia identifikatsiia lichnosti* [Social Identification of Personality] (Book 2, pp. 202–237). Moscow: IS RosAN.

- Bryant, C. (2006). *The Nations of Britain*. Oxford: Oxford University Press.
- Cantle, T. (2012). *Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity*. London: Palgrave Macmillan.
- Clark, J. C. D. (2009). National Identity and the Historians. In M. D'Ancona (Ed.), *Being British. The Search for the Values that Bind the Nation* (pp. 131–140). Edinburgh: Mainstream.
- D'Ancona, M. (Ed.). (2009). *Being British. The Search for the Values that Bind the Nation*. Edinburgh: Mainstream.
- Drobizheva, L. M. (2018). Grazhdanskaia identichnost' kak potentsial mezhetnicheskogo soglasia v obshchestve [Civic Identity as the Potential of Interethnic Harmony in Society]. In L. M. Drobizheva (Ed.), *Mezhnatsional'noe soglasie v obshcherossiiskom i regional'nom izmerenii. Sotsiokul'turnyi i religiozniy konteksty* [Interethnic Harmony in the All-Russian and Regional Dimensions. Socio-cultural and Religious Contexts] (pp. 177–216). Moscow: FNISTS RAN.
- Edmunds, J., & Turner, B. S. (2001). The Re-invention of a National Identity? Women and “Cosmopolitan” Englishness. *Ethnicities*, 1(1), 83–108.
- Gamble, A. (2008). A Union of Historic Compromise. In M. Perryman (Ed.), *Imagined Nation: England after Britain* (pp. 35–49). London: Lawrence and Wishart.
- Hoque, A. (2015). *British-Islamic Identity: Third-generation Bangladeshis from East London*. London: Trentham Books.
- Jary, D., & Jary, Ju. (Comps.). (1999). *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'* [Comprehensive Explanatory Sociological Dictionary] (Vols. 1–2). (N. N. Marchuk, Trans.). Moscow: Veche; AST.
- Karavaeva, D. N. (2016). *Angliiskaia identichnost' i ee diskurs* [English Identity and Its Discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrO RAN.
- Kuropiatnik, A. I. (2000). Mul'tikul'turalizm: ideologiya i politika sotsialnoi stabil'nosti polietnicheskikh obshchestv [Multiculturalism: Ideology and Social Stability Politics of Polyethnic Societies]. *Sociology and Social Anthropology Journal*, 3(2), 53–66.
- Kuznetsova, M. A., & Khakhalkina, E. V. (2018). Protsessy transformatsii natsional'noi identichnosti Britanii v kontekste brekzita [The Processes of Transformation of Britain's National Identity in the Context of Brexit]. *Tomsk State University Journal of History*, 53, 52–58. <https://doi.org/10.17223/19988613/53/11>
- Kweku-Duah, P., & Rutakirwa, T. (2020). *UK Immigration Before and After Brexit*. London: Tonnies Publishing Press.
- Leonard, M. (2003, March 30). Has Toni Blair Made Britain a Pariah State. *The Guardian*.
- Lipkin, M. (2007). Dvadsat' pervyi vek po Grinvichu: Britaniia v poiskakh postimperskoi identichnosti [21st Century GMT: Britain in Search of a Post-imperial Identity]. In V. A. Tishkov, & V. A. Schnirelman (Eds.), *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in World History] (pp. 122–143). Moscow: Nauka.
- Malik, K. (2010). *From Fatwa to Jihad: The Rushdie Affair and Its Legacy*. London: Melville House.
- Malik, K. (2014). *Multiculturalism and Its Discontents: Rethinking Diversity After 9/11*. London: Seagull Books.
- Meer, N., Modood, T., & Zapata-Berrero, R. (2016). *Multiculturalism and Interculturalism: Debating the Dividing Lines*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Nash, G., Grabtree, Ch., & Dunn, R. (1997). *History on Trial. Culture Wars and the Teaching of History*. New York: Alfred A. Knopf.
- Parekh, B. (2000). *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Roberts, B. (2008, May 20). David Cameron: I Want to be the New Thatcher. *The Daily Mirror*, 4.

- Scott, P. (1990). *Knowledge and Nation*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Soysal, Y. N. (2015). Mapping the Terrain of Transnationalization: Nation, Citizenship, and Region. In Y. N. Soysal (Ed.), *Transnational Trajectories in East Asia: Nation, Citizenship, and Region* (pp. 1–16). London: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Wallerstein, I. (2004). *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The End of the Familiar World: Sociology of the 21st Century]. Moscow: Logos.
- Ware, V. (2007). *Who Cares about Britishness? A Global View of the National Identity Debate*. London: Arcadia Books.
- Willetts, D. (2009). England and Britain, Europe and Anglosphere. In A. Gamble, & T. Wright (Eds.), *Britishness: Perspectives on the British Question* (pp. 54–61). Oxford: Political Quarterly Wiley-Blackwell.
- Winder, R. (2004). *Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain*. London: Little, Brown.
- Zhangozha, R. (2016). *Mul'tikul'turalizm: pro et contra* [Multiculturalism: pro et contra]. Kiev: Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Караваяева Дина Николаевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
междисциплинарных гуманитарных
исследований
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

Karavaeva, Dina Nikolaevna

PhD (History), Senior Researcher
Laboratory for Interdisciplinary Research
in the Humanities
Institute of History and Archaeology UB RAS
16 Sofia Kovalevskaya St.,
620990 Ekaterinburg, Russia
E-mail: dina.karavaeva@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3876-0975>
WoS ResearcherID: E-8293-2018

Зевако Юлия Валерьевна

кандидат политических наук,
научный сотрудник лаборатории
междисциплинарных гуманитарных
исследований
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
E-mail: milirita@rambler.ru

Zevako, Julia Valerievna

PhD (Political Science), Research Fellow
Laboratory for Interdisciplinary Research
in the Humanities
Institute of History and Archaeology UB RAS
16 Sofia Kovalevskaya St.,
620990 Ekaterinburg, Russia
E-mail: milirita@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7656-0141>
WoS ResearcherID: AAA-5293-2020

Созинова Ксения Андреевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры зарубежного
регионоведения
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: k.a.sozinova@urfu.ru

Sozinova, Ksenia Andreevna

PhD (History), Senior Lecturer
Department of Foreign Regional Studies
Ural Federal University
51 Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6980-5881>
WoS ResearcherID: A-7252-2015